

Диана Маш

В Наедине с
рагом
МИР ТРИБУНАЛА

Диана Маш
Наедине с врагом
Серия «Мир Трибунала», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67606670

SelfPub; 2023

Аннотация

Мой отец женился, и его нареченная решила отправить меня к черту на кулички, в закрытую академию. Там учится мой сводный брат, грубый, наглый и не умеющий контролировать свою агрессию огненный демон, каждая встреча с которым превращает мою жизнь в хаос, мысли в салат, а тело в расплавленное желе. Его черные глаза преследуют меня даже во сне, а с красивых губ не сходит презрительная усмешка. Он мечтает вышвырнуть меня из своей жизни и забыть, как страшный сон, но всё меняется, когда на мою любящую приключения пятую точку открывает охоту серийный убийца.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	58
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Диана Маш

Наедине с врагом

Глава 1

Оглушительный звон закрывшейся за спиной тюремной решетчатой двери заставил меня вздрогнуть от неожиданности и шумно сглотнуть.

Довольная произведенным эффектом белобрысая надзирательница не смогла скрыть едкую усмешку. Заметив мою реакцию, она окинула высокомерным взглядом мой наряд и, повернувшись ко мне спиной, застучала своими уродливыми говнодавами по металлическому полу, веля жестом следовать за ней.

Наверное, стоило заехать домой и снять с себя подаренное сестрой ультракороткое серебряное платье от Шанель, выгодно подчеркивающее мою, спасибо кукушке-матери, сверходаренную фигуру, и двадцатисантиметровые каблукки от Джимми Чу, что не предназначались для долгих прогулок и теперь нещадно натирали лодыжки. Но сделай я крюк, поддалась бы соблазну и легла спать, забив на просьбу Виктории, а она тетка классная несмотря на то, что двадцать с лишним годиков назад родила настоящее чудовище.

Черт, ну почему она не позвонила Кармеле? Она ему та-

кая же сводная сестра, как и я. И беременность тут не оправдание, а повод дольше нежиться под одеялом, в объятиях здоровяка-мужа. Зато безотказную Василису можно дергать с веселой вечеринки в два часа ночи и просить тащиться в другой конец города. Будто он маленький мальчик и сам не может разобраться со своими проблемами.

Еще один повод злиться на черноглазого грубияна, будто их без того не миллион с хвостиком.

В горле першило от витающей в воздухе обреченности и запаха невымытых тел. Даже жвачка не спасала. Вентиляторы на потолке работали на всю катушку, заставляя ежиться и обнимать себя руками в попытке согреться. А идущей впереди женщине не было до моих неудобств никакого дела.

Оно и понятно, ее накаченные, как у пловчихи плечи были обтянуты облегающей, словно вторая кожа, черной водолазкой, а ноги упакованы в плотные серые брюки, заправленные на военный манер в высокие сапоги.

Ходячая мечта голодного до баб солдата. Ну или сидящего на «сухпайке» заключенного, коих тут было немерено. Превалирующее большинство из них повысовывало между решеток мерзкие рожи и похабными взглядами провожали каждый мой шаг, вызывая стойкое желание бросить все и рвануть в душ, смывая с себя любое воспоминание об этом месте.

– Охренеть, я таких фигуристых даже в кино не видел.

– Бел до того обнаглел, что «девочек» в камеру заказыва-

ет, вот чертяка!

– Я бы разрешил ей пройтись по мне на этих каблучках и даже не поморщился.

– Эй, цыпочка, как закончишь с ним, заходи в гости, мне есть чем тебя угостить, – тут я уже не выдержала и, даже не оборачиваясь, показала ублюдку средний палец.

Заметив это, блондинка нахмурилась, словно я не грабителя/убийцу/насильника/нарушителя магического порядка, нужно подчеркнуть, оскорбила, а ее родную бабулю обидела. Схватив меня за локоть, она толкнула меня вперед, да так сильно, что я, не удержавшись, чуть носом пол не поцеловала.

Мысленно проклиная Вику, и делая пометку завтра же написать жалобу на эту бабищу, я успела вовремя схватиться руками за металл решетки и, подняв голову, встретила холодным взглядом черных, как сама тьма, глаз.

Все окружавшие нас люди и обстановка словно канули в лету, и я осталась один на один с опасным хищником, пробуждающим к жизни все мои врожденные инстинкты. Судорожно облизав внезапно пересохшие губы, я отпрянула в сторону кляня себя за неуместную трусость.

В камере не было света, да и сидел он, прислонившись к противоположной стене, в полной темноте, но обсидиановые глаза, горели ярче звезд, поливая высокомерным презрением, причина которой была мне прекрасно известна.

По сути, я и была этой самой причиной, так как из-за меня

сын самой влиятельной женщины в мире сверхъестественных существ, что с недавних пор стала моей мачехой, три долгих месяца провел за решеткой.

Виктория предупреждала меня о его неспособности достойно справляться со вспышками неконтролируемой агрессии, но мне пришлось убедиться на собственном опыте, видя, как этот буйнопомешанный яростно избивает четверых человек, один из которых был моим парнем.

Михаль после этого целый месяц дома провалялся, за что я ненавидела долбанного психа до трясушки. Но пришлось проглотить свою злость и пилить сюда, чтобы в качестве единственного, находящегося в городе номинального родственника, подписать бумаги об освобождении.

– Белорадов, на выход, – раздался за спиной слащавый голос блондинки, – за тобой приехали.

Раздраженно мотнув головой, я изобразила на лице одну из самых язвительных, имеющихся в моем немаленьком арсенале улыбок, и направила все ее сияние на не двигающуюся фигуру.

– Вещички свои не забудь, я долго ждать не буду, милый, – как и ожидалось, проигнорировать издевку он не мог. Отвлек гневным рыком и, если бы не моя быстрая реакция, и разделявшая нас решетка, вцепился бы мне в шею, а так только прутья пальцами ухватил.

– Стерва, – хриплый голос резанул по нервам. Он будто лет сто им не пользовался, а тут ради моей сиятельной пер-

соны решил открыть, наконец, рот.

– Успокойся, Матвей, – как-то чересчур фамильярно обратилась надзирательница к моему сводному братцу и, вытащив ключи, начала отпирать дверь камеры, – она не стоит того, чтобы тут задерживаться.

Ругаться с психом я не стала, и дело было не в усталости. Он прав, когда хотела, я могла быть той еще стервой, а потому вытянула покрашенные ярко-красной помадой губы уточкой, послала ему воздушный поцелуй и отошла в сторону, делая вид, что зеваю от скуки, а сама тайком изучала своего врага.

Высоченный, сильный и опасный, зараза.

Отросшая белая челка спадала на лоб, черные глаза горели недобрый пламенем, ноздри гневно раздувались, желваки играли, челюсть сжалась. Если взглядом можно было убить, я бы рассыпалась в прах на месте.

Натянутая на тренированное тело Матвея казенная белая футболка нуждалась в стирке, как и серые спортивные штаны, но это не портило его внешний вид. Придурок был красив, как черт, и как бы я не хотела этого признавать, внизу живота зародился предательский трепет.

Только услышав лязг железа, я обратила внимание на скованные наручниками запястья психа, которые блондинка решила не снимать. То ли меня пожалела, то ли не желала подставлять одного из своих «любимчиков».

Плевать на ее мотивы, самое главное с таким украшени-

ем братцу будет весьма проблематично добраться до моей изящной шеи. А большего мне и не надо.

– Какого черта ты тут забыла? – игнорируя раздававшееся из соседних камер улюлюканье бросил из-за плеча Матвей. Он был на шаг впереди и не видел, как я едва не споткнулась, засмотревшись на его широкую спину.

– Вика с отцом не смогли вовремя вернуться с медового месяца, опоздали на самолет. Она выдернула меня с вечеринки у Мальвины и попросила приехать сюда, чтобы подписать бумаги, без которых твое освобождение невозможно. Твоя мать не хочет, чтобы ты проводил здесь лишнее время, а как по мне, оно пошло бы тебе на пользу. Так что будь по-вежливее, милый, я пока что твой единственный билет на свободу, – судя по напрягшимся на спине и руках мускулам, мой ответ не пришелся ему по душе, но огрызаться не стал.

Надзирательница довела нас до конца коридора и приказала одному из стоящих на страже парней открыть железную серую дверь, что тот и сделал. Внутри находился ее кабинет, где на столе уже лежали подготовленные заранее бумаги.

Пока она снимала с Матвея наручники, и о чем-то с ним перешептывалась, я поставила в отмеченных заранее местах свою подпись и, виляя своей пятой точкой, направилась к выходу, мысленно подсчитывая, во сколько мне обойдется такси в такое позднее время.

Перед въездом на территорию тюрьмы стоял черный внедорожник, которого по приезду я тут не наблюдала. Свет фо-

нарей его не касался, поэтому лица водителя я не видела. А вот вышедшему через несколько минут Белорадову машина была прекрасно знакома.

Пройдя мимо меня, и даже взглядом не мазнув, он открыл заднюю дверь, закинул на сидение коробку с вещами, что выдала ему блондинка, и собрался было сесть сам, как я не выдержала.

– А сестренку до дома не подбросишь?

– Ты мне не сестра, и держись от меня подальше, иначе я за себя не ручаюсь.

– Нужен ты мне больно, – на положительный ответ я не надеялась, но его грубость все равно задела, – смотри стручок не сотри, пока будешь отмечать окончание трехмесячной засухи.

Ответом мне был циничный смешок.

– Бел, что это за красотка? Может подвезем девушку? – послышался незнакомый мужской голос со стороны водителя. Он вселил в меня веру в человечество, но ответ психа ее тут же похоронил.

– Обойдется. Гони, давай, – и уже через секунды, джип, завизжав резиновыми шинами, сорвался с места и исчез в неизвестном направлении, оставляя меня злоую и уставшую ждать чертово такси.

Глава 2

– Видела бы ты его, сестренка. Безумный взгляд, как у ма-
ньяка, челюсть сжата, из ноздрей чуть ли не пар валит. Дра-
кон, мать его! Будь мы одни, порвал бы меня на лоскуточ-
ки, – сидевшая на моей кровати Кара скептически хмури-
лась, слушая мои причитания, и следила за тем, как я, стоя
рядом с зеркалом, наношу на губы последний слой бесцвет-
ного блеска, – зачем только согласилась туда ехать? Мало
мне его, еще и такси в обе стороны влетело в копеечку. Во-
дитель, всю обратную дорогу, на ноги мои косился. Боялась,
в столб влетим.

Сестра, похоже, уже тысячу раз пожалела, что решила на-
вестить меня сегодня и узнать, как прошла позавчерашняя
вечеринка у Мальвины, о которой я ей все уши прожужжала,
клянча наряд.

Естественно, про саму вечеринку я так ни слова и не ска-
зала, зато свою поездку в тюрьму к нашему сводному братцу
красочно обрисовала до мельчайших деталей, изливая нако-
пившуюся внутри досаду и раздражение. Чтоб у него отва-
лился!

– Вась, учитывая, что именно по твоей вине Матвей попал
за решетку, меньшее, что ты могла сделать, это помочь ему
выйти.

– По моей? Да ты с ума сошла? – что это за звон? Не ина-

че звук повстречавшейся с полом челюсти, – да, я вызвала полицию, когда этот психованный пришел в клуб, вломился в нашу с Михалем ВИП-кабинку, и начал его избивать, но не сделай я этого, на совести Матвея было бы четыре трупа. Так что я, можно сказать, спасла его упругий зад от реального срока. А что получаю взамен? Тонну ненависти!

– То есть все произошло на ровном месте? Ни ты, ни твой парень даже словом его не задели? Никого не трогали, при- мус починяли? – перед глазами тут же встали воспоминания трехмесячной давности.

Обнимающий меня за талию Долгов, нашептывал на ушко, как не хочет уезжать на учебу в академию, и спрашивал, буду ли я его ждать целый год. Я собралась предложить не расставаться, а отправиться вместе, зная, что он мне не откажет, но тут открылась дверь и, с громким шумом клубной музыки, внутрь ворвался Матвей.

Пройдясь ненавистным взглядом по обнимавшим меня рукам Долгова, он скривил губы в издевательской усмешке и, сославшись на то, что ошибся кабинкой, собрался уходить, а я, впервые в жизни почувствовав себя в шкуре неверной жены, хотя для этого не было абсолютно никаких причин, назвала его не умеющим стучать в дверь невоспитанным придурком.

Михаль начал громко ржать, правда не долго. Первый же удар кулака отправил его в нокаут, и следом за ним туда же унеслись, появившиеся словно из ниоткуда, трое приятелей.

Испугавшись, я заперлась в кабинете охраны и вызвала полицию, которая приехала через пару минут и вывела психа наружу. Не знаю, что сделала Вика, но через два дня состоялся суд и ему дали три месяца.

Кто-то не умеет контролировать агрессию, а я крайняя!

– Ты же меня знаешь, Кара, – подняв на сестру щенячьи глазки, проскулила я, – если меня не трогать, я милая и добрая.

– Милая и добрая ты Васька, только когда спишь зубами к стенке, а в остальное время мелкая язва, – рассмеялась Кармела.

Встав с кровати, она подошла ближе и заключила меня в свои объятия. Единственное место, где я находила утешение, после того, как наша мамаша свалила с любовником, оставив двух дочерей и любящего ее до одурения мужа одних справляться с депрессией и учиться жить заново.

Только благодаря сестре я сохранила ту часть себя, что умела любить и доверять, и не скатилась на дно за целый год разгульной жизни, которую вела после окончания школы.

Сестра и отцу помогла выплыть из пучины и, пусть не забыть, но хотя бы заглушить ту боль, что осталась в его сердце с уходом «любимой женщины», которая совершенно не заслуживала этого звания.

Сейчас я понимаю, что всему виной был ее Дар, который помогал ей не только видеть фрагменты будущего, но и создавать вокруг себя гармоничную и мирную атмосферу. От-

личная фишка для романской гадалки, если вдруг на пути попадется недовольный клиент.

– За всей этой суматохой я даже спросить забыла, как твой громила-муж отпустил тебя в твоём положении в такую даль? От вашего дома сюда час езды.

– Обычное у меня положение, я беременна, а не больна, – Кара скривила мордочку, давая понять, что эту фразу она повторяет далеко не первый раз, но Ратмира за заботу о жене я не винила, он души в ней не чаял, и так же как и я, укатал бы в асфальт любого за эту девчонку, – Ратко нужно было отлучиться по делам, он сам привез меня сюда и уже скоро увезет обратно. У нас сегодня романтический ужин.

Муж сестры относился к виду оборотней-медведей, которых все посвященные называют верберами, а как по мне, он больше походил на дракона, что чах над Кармелой, как над золотом.

Боги, посмотрите на меня! Рассуждаю об оборотнях, которых еще каких-то три месяца назад считала сказочными персонажами.

Но это было до того, как в наш дом ворвался страшнющий представитель этой «вымышленной» породы и потребовал у отца купленный им на блошином рынке ведьмовский гримур. Когда отец сообщил, что книги у него уже нет, Ратмир, – а тем бандитом был именно он, – отвез нас ночью в штаб-квартиру Трибунала, на ковер к самой Верховной, Виктории Белорадовой, которая на тот момент понятия не имела, что

влюбится как девчонка, и уже через два месяца обзаведется мужем, романским бароном, и двумя великовозрастными падчерицами.

Трибуналом звался главный судебный орган, состоящий из представителей всех существующих на земле рас. Основной его задачей было следить за тем, чтобы люди не узнали, о живущих с ними по соседству ведьмах, вампирах, демонах и многих других представителях фауны.

Существа под страхом смерти, обязаны были держать в тайне от людей факт своего существования. Малейшая оплошность, никто даже разбираться с тобой не будет, агенты Трибунала, схватят тебя под белы ручки и доставят куда нужно, а потом пытки, суд, казнь – по рассказам Вики, именно в таком порядке.

Есть, конечно, исключения, когда людей посвящают намеренно, но в этом случае человек должен подписать договор о неразглашении и строго его придерживаться.

Наша семья тоже угодила в эти жернова, когда Кармеле пришлось отправиться вместе с Ратко на поиски той злополучной книги. Но жаловаться нет смысла, все закончилось хорошо, и обратно вернулась уже полноценная «ячейка общества».

Как ни странно, после отрывшихся знаний, я не поехала кукухой, не ушла в мужской монастырь, и не засела, как сестра, в библиотеке, изучая потрепанные книги о мифологии, а жила все той же беззаботной жизнью восемнадцатилетней

девчонки, включающей в себя вечеринки, встречи с друзьями и ночные клубы.

Правда, при встрече с людьми, которые мне совсем не нравились, в голове частенько проскальзывал вопрос, а не злобная ли это ведьма, желающая вдоволь напиться моей энергии.

Хлопнула входная дверь и в коридоре раздался веселый женский смех, которому вторил такой же залиvistый мужской.

– Вот принесла нелегкая, а я так надеялась, что дом еще пару дней будет в моем личном распоряжении, – капризно пробубнила я и направилась вслед за визжащей «папа» Кармелой в сторону кухни, куда потопали молодожены.

На самом деле, я не меньше сестры радовалась возвращению из медового месяца отца и Вики, но образ избалованной красотки без царя в голове так прочно прилип к моей скромной персоне, что выходить из него с каждым разом становилось все сложнее и сложнее.

Заваливание подарками переросло в легкий обед, состряпанный Карой на скорую руку, а Вика с отцом все продолжали делиться впечатлениями о поезде, вызывая у меня невольную зависть. Я и сама была бы не прочь смотаться на острова и, лежа под пальмой, попивать «Пина коладу», но только без балласта в виде мужа. Что тоже странно, еще каких-то три месяца назад, я только и мечтала о том, как Михаль сделает мне предложение, поселит в шикарном особня-

ке, где живет со своей семьей, и будет носить на руках, как королеву. Что же изменилось?

– Вась, мы же самое главное не рассказали. Это касается тебя, – взяв в руки отцовскую ладонь Виктория подняла на меня взгляд и тепло улыбнулась. В голове прозвенел тревожный звоночек, – твой отец очень переживает, что после окончания школы ты, в отличие от сестры, никуда не поступила. В наше время образование играет не последнюю роль в жизни человека. Оно позволяет без страха смотреть в будущее, и не...

– Вик, ты не на работе сотрудников мотивируешь, давай без вот этого вот! Что вы с отцом от меня хотите? – откинувшись на спинку стула, я подготовилась к тому, что придется с боем прорываться к выходу.

– Хорошо, Вась, – улыбка мачехи угасла на несколько ватт, но не исчезла полностью, – в отпуске мы столкнулись с ректором академии Рэнвуд, где учится Матвей, и он сообщил, что у них в этом году на первом курсе недобор, есть парочка свободных мест, одно из которых ты можешь занять. Кирилл Сергеевич обещал похлопотать.

В одну академию с бешеным психом? Они издеваются?

– Да милая, и предвосхищая любые твои слова, это наше решение не обсуждается, – строго добавил отец, заметив мой мечущийся в отчаянии взгляд.

Планы на вечер: чемодан-вокзал-деревушка в гуще леса, где меня не найдет ни одна живая душа!

– Ну, пааааап!

Глава 3

Звон лежащего на столе мобильного, словно острый нож, застрял в черепе, причиняя адскую боль. В горле было сухо, как в пустыне и, судя по ощущениям, на теле не осталось ни одного живого места.

Вчерашняя идея пусть и с опозданием, но отпраздновать с друзьями свое освобождение, а потом ввязаться в драку с бандой зарвавшихся байкеров была не самой лучшей, и сейчас Матвей это прекрасно понимал.

Кожа на костяшках пальцев была содрана до крови, и если взглянуть в зеркало, то он наверняка увидит свежий синяк под правым глазом. Прекрасное дополнение к пересекающему переносицу и правую щеку старому, уже побелевшему шраму и сломанному в давней драке носу.

Если у кого-то и были сомнения в его репутации любителя решать любые разногласия кулаками, то теперь они должны были отпасть напрочь. Ведь никто не захочет копать глубже. Легче списать не знающую выхода агрессию на чертовы гены его гребанного папаша, как сделала это нанятая матерью психолог, навечно повесив на него ярлык бракованного ублюдка.

Матвей знал, как избавиться себя от боли. Для этого нужно было сконцентрироваться и потянуться к энергии света, как в детстве его учили няньки из ковена матери, но, где взять

силы на то, чтобы просто сфокусировать взгляд?

А между тем, лежащий на тумбочке у кровати телефон, продолжал разрываться.

Рядом зашевелилась накрытая одеялом горка, привлекающая к себе внимание Белорадова. Нахмурившись, он отбросил ткань в сторону и с удивлением уставился на сплетённый клубок из двух обнаженных женских тел.

Он не помнил, как они оказались в его квартире, но волновало не это. Как можно спать в такой неудобной позе? Он их что, в цирке подобрал? Похоже, вымотались они ночью изрядно, если даже раздражающий шум не в силах разбудить.

Схватив телефон, Матвей уставился на определившийся номер и, поморщившись, сбросил звонок, не желая с утра пораньше портить и без того хреновое настроение.

Пусть с трудом, но он поднялся с кровати и ступая по разбросанной на полу одежде, направился в душ, где, приводя в себя в порядок, задержался немного дольше обычного. Оттуда он вышел уже одетым в спортивные штаны и направился на кухню, за чашечкой живительного напитка.

На самом почетном месте, посреди столешницы, стояла навороченная кофемашина, стоившая, как половина его «Вранглера». Кофе в ней получался божественным, а потому драгоценная вещица считалась для Белорадова чуть ли не членом семьи.

Снова взяв телефон в руку, Матвей увидел два пропущенных звонка от одного из своих приятелей, и тут же набрал

его.

– Звонил? – голос охрип так, будто он всю ночь из караоке не вылезал.

– Бел, ты на часы смотрел? – раздался в трубке недовольный бас Пашки Резнова, – мы договорились встретиться в шесть и вместе поехать в аэропорт, а ты трубку не берешь. Я сейчас Тоху по дороге заберу. За тобой заехать?

Наступила минутная пауза, за которую у Белорадова прояснились мозги, и вернулась память. Фрагментами, но и этого хватило, чтобы составить картину вчерашней ночи.

После клуба был музыкальный фестиваль, что проводился на открытом воздухе, и где он впоследствии и зацепил двух гарцующих на брусках девчонок, – мысль о цирке была не далека от истины, – а прощаясь с парнями, они договорились вместе отправиться утром в аэропорт, чтобы успеть на учебу.

Академия Рэнвуд, которую основал один из прошлых Верховных Трибунала, открывала свои двери для учащихся ровно за сутки до начала занятий, а закрывала за два часа до них же, и только попробуй опоздать. Останешься без диплома и все четыре года учебы, и планы на дальнейшую работу в службе магической безопасности – коту под хвост.

Матвей всю жизнь горел желанием стать одним из агентов организации, которую возглавляла его мать, и твердыми шагами шел к своей цели: он был хорош в сыске, благодаря отцу имел недюжинную силу и мог постоять за себя, – хоть что-то с него хорошего, – а также излазил всю библиотеку

Трибунала изучая сильные и слабые стороны каждой существующей на земле нечисти.

Он был рожден для этой работы, и не мог позволить себе загубить все на корню.

– Брат, ты не уснул там?

– Поезжайте без меня. Мне тут еще гостей выпроводить надо. Встретимся за час до вылета.

– Гостей? Ты пригласил двух вчерашних цыпочек на палку чая? – на другом конце раздался приглушенный смешок.

– Ага.

– Только во второй раунд не вяжись. Пропустишь самолет – считай отчислен, – ничего не ответив, Матвей отключил телефон и сделал глоток бодрящего напитка.

Раздавшиеся в коридоре шлепки босых ног оповестили о том, что две акробатки проснулись и, следуя за кофейным ароматом, решили заглянуть на кухню. Медленно подняв взгляд от чашки, Матвей еле сдержался, чтобы не выругаться.

Даже находясь в полубессознательном состоянии он выбрал не абы кого, а двух рыжих и фигуристых красоток, очень отдаленно напоминающих гадюку, что засела у него в печенках и не желала вылезать. А еще каких-то три месяца назад его привлекали худощавые блондинки. Куда делись те благословенные деньки?

У этой романской стервы точно в роду без черных ведьм не обошлось. Иначе его помешательство ничем не объяс-

нить. Даже во сне ладони сжимаются в кулаки от желания сомкнуть их на ее изящной шейке и давить, пока она не взмолится о пощаде.

Ну вот опять разбередил воспоминания и темная сущность, что делила с ним его же сознание вылезла на поверхность и начала принюхиваться, в надежде уловить аромат спелых вишен, исходящий от рыжей подстилки кровососа Долгова.

– Матвей, зачем ты поднялся в такую рань? Давай вернемся в постель, – начала щебетать одна из девушек, быстро хлопая накладными ресницами.

Вторая, зайдя ему за спину, вцепилась пальцами в его тренированные плечи и начала их царапать своими длинными когтями. Возможно, ей казалось, что эти ее действия его как-то возбудят, но парень был с ней категорически не согласен.

Сбросив с себя чужие ладони, он поднялся с барного стула, скрестил руки на груди и кивнул в сторону выхода.

– Думаю, вам пора.

– Что, даже кофе не нальешь? – кокетливо поинтересовалась девушка с длинными ногтями.

Имен их Матвей не помнил, и не сильно по этому поводу переживал.

– Ближайшее кафе за углом, могу по сотне выдать, вам хватит.

– Сотне? Ах ты сволочь, кто мы по-твоему? – схватив стоящую на столе пустую чашку, девушка размахнулась и бро-

сила ее в Белорадова. Если бы не его молниеносная реакция, та угодила бы вместо стены, прямо в голову.

Отличное начало дня.

***

Дорога до академии обычно занимала около суток: пара часов езды до аэропорта, четырнадцать часов в самолете до Бринвика, – самого ближайшего к находящейся на отшибе в горах академии города, где сейчас была середина зимы, – а оттуда еще пять часов тащиться, через горный перевал, на взятой в аренду тачке. На место Матвей приезжал за пять часов до закрытия ворот и этого времени хватало на то, чтобы узнать расписание, переодеться и подготовиться к первому занятию.

Вот только в этот раз все сложилось не так гладко, как всегда. Сначала его задержали при посадке. Проверка документов выявила просроченную визу, и на ее продление требовалось задержаться минимум на два часа.

Сказав парням ехать без него, Матвей справился со внезапно появившейся проблемой и взял в прокатном бюро машину, но в дороге его настиг обильный снегопад, отнявший от запланированного времени лишние три часа.

И вот когда до ворот оставались считанные метры, а счетчик показывал десять минут до опоздания, ему наперерез выпрыгнуло пушистое белое облако и только чудо, – ну, или водительские навыки Белорадова, – не дали этому облаку быть похороненным под колесами машины.

Его прокляли, не иначе!

Резкий визг тормозов больно резанул по ушам. Открыв водительскую дверь, Матвей вышел наружу, прошел вперед и устоялся на сидящую перед капотом его машины девушку.

– Ты?

Глава 4

– Я ничего не вижу. Чертов снег слепит глаза, а провода ничем не отличаются друг от друга, – со всей силы хлопнув крышкой капота и пнув по колесу, я громко вскрикнула, почувствовав, как онемевшие на морозе пальцы ног пронзила резкая боль.

Сделанные из тончайшей кожи ботильоны от Лабутен явно не та обувь, которую стоит носить при минус двадцать, но кто мне виноват? Чемоданы собирала сама, и сама же отбраковала все то, что не подчеркивало красоту моих ног или напоминавшей песочные часы фигуры.

В расход пошли все теплые ботинки, вязанные кофты и штаны. Вот и стояла я сейчас на холоде в коротком белом платье, доходящем до середины бедра, и черных капроновых колготках, – слава богам, пятьдесят ден, а не десять, как я планировала, – и мысленно материла саму себя.

В текущей ситуации было еще два маленьких плюса. Во-первых, я додумалась прихватить с собой стильный белый полушубок из эко-меха, иначе превратилась бы в сосульку сразу, как только открыла пассажирскую дверь. А во-вторых, повезло, что драндулет, который мне выдали в прокатном бюро накрылся медным тазом не на перевале, а на открытой местности, где мимо в любой момент могла проскочить чья-нибудь машина. Не факт, что с такой видимостью я ее за-

мечу, но даже крохотный шанс в моем положении равнялся огромной удаче.

– Вася, что произошло? Ты плачешь? – раздался в трубке обеспокоенный голос Михаля, который уже сутки находился в академии и ждал моего приезда, как манны небесной.

Нет, сам он об этом не говорил, но я привыкла думать, что все имевшие честь быть со мной знакомыми мужчины засыпали и просыпались с моим именем на устах. Может это немного самонадеянно, но такая уж я, привыкшая быть в центре внимания избалованная девчонка.

Как говорится – «любите такой, какая есть, исправит меня только могила».

Лучше бы и вправду сбежала из дома сразу как услышала из уст Вики слово «академия». Перекантовалась бы первое время у кого-нибудь из друзей, параллельно капая на мозги Кармеле, чтобы та уболтала отца избавиться от нелепой мысли упечь меня в интернат для «суперменов», как я называла всех тех, кто относился к категории «нелюдей».

На мой резонный вопрос, что делать обычному человеку в месте, которое занимается подготовкой будущих агентов Трибунала, Вика заявила, что людей в Рэнвуде предостаточно и некоторые из них потом занимают в организации не маленькие должности. Ведь кто будет оберегать покой людей, лучше самих людей.

Логично, но уточнять, как кто-то в своем уме может ассоциировать меня с офисной работой я не стала. Угрюмое вы-

ражение лица дало понять всем присутствующим на кухне, как я отношусь к их «гениальной» идее.

Но уже к вечеру мои планы претерпели кардинальное изменение, и поспособствовала этому встреча с Долговым, который, – сюрприз, сюрприз! – оказался одним из учеников Рэнвуда.

Я никогда не интересовалась местом его учебы, закрытая академия, и ладно, все равно ему последний год там оставался. Но стоило Михалю узнать, куда меня решили «сослать» мои родственники, чуть джигу от радости плясать не начал. Заявил, что это судьба, и что боги на нашей стороне. Еще что-то пел, но я уже плохо слушала, мысленно анализируя ситуацию.

Сбежать из дома резко перехотелось и вопрос о том, чтобы не ехать на учебу уже не стоял, но на его месте выросло два новых: откуда Долговым известно о существах, и как будем существовать на одной территории я, мой парень, и мой задира братец, у которого в словаре нет словосочетания – «приличное поведение».

И если на первый вопрос ответ очевиден, – Долговы, богатая и влиятельная семья, которая вполне могла иметь какие-то «сверхъестественные» корни в своей родословной, – то ответ на второй вопрос придется находить эмпирическим путем.

Из-за задержки со сборами я не успела на один с Михалем самолет и улетела на следующий день, даже не подозревая,

какую подляну уготовила мне жизнь.

– Василиса! – а голос в трубке все не унимался.

– Да не плачу я. Замерзла до костей. Звони кому хочешь, но вытащи меня отсюда, иначе я уже через час превращусь в ледяную статую.

– Василиса, это невозможно, – его слова повергли меня в шок. Фамилия «Долгов» и слово «невозможно» всегда были для меня из разных вселенных, а он такие глупости заявляет.

– Как невозможно? Почему? Пришли мне помощь, отправь самолет, да хоть ведьму на метле, я не привередливая, – заливала, конечно, еще какая привередливая, но в случае форс-мажора, могла и потерпеть.

– Эвакуировать тебя смогут максимум через два-три часа, но в этом случае ты опоздаешь к закрытию ворот.

– Ну и что с того? Что там за стража такая, что чуточку подождать не может. Попроси их, взятку дай. Мне что ли тебя учить? – от холода зуб на зуб не попадал. Челюсть еле шевелилась, и я начала проглатывать окончания слов.

– Никакие взятки или убеждения на местных не действуют. Ты должна быть здесь через тридцать минут, и не секундой позже. Тебе пешком метров шестьсот осталось, это максимум двадцать минут ходьбы. Оставь вещи в машине, их потом заберут и передадут тебе, – каждое его слово отдавалось в моей голове стуком молотка по крышке гроба.

Шестьсот метров пешком, наперерез валящему плотной стеной снегу, по лютному морозу, в легкой одежде и на два-

дцатисантиметровых каблуках. Убийственный выбор, конечно, и легче послать все куда подальше, сесть в машину и ждать помощи. Но нет, я же упертая. Разозлилась до чертей в глазах, отключила телефон, бросила последний взгляд на долбанную колымагу, в багажнике которой остался мой чемодан и, еле передвигая окоченевшими ногами, потопала вдоль трассы.

Через десять минут мой шаг сбился, движения замедлились, я стала чаще спотыкаться, и приходилось бороться с неодолимым желанием упасть лицом в сугроб и не подниматься больше никогда. Еще через десять, я просто встала как вкопанная, не в силах пошевелить конечностями.

Показавшийся вдалеке внедорожник я, сначала, приняла за мираж, но он приближался, превращаясь из мелкой мошки в, только что отошедшую от спячки, жирную черную муху.

Понимая, что водитель сейчас проскочит мимо, похоронив все мои шансы добраться до проклятой академии живой и здоровой, я, приложив невероятные усилия, подняла руку, но, не удержавшись, покачнулась и стала прямо посередине трассы, заваливаться вперед.

Снег немного смягчил падение, но чертовы каблуки разъехались в стороны, и я мало того, что отбила себе копчик, еще и кажется подвернула ногу. А обернувшись, едва не поцеловала бампер той самой машины, которую планировала остановить. Повезло еще, что водитель попался умелый.

Остановился в считанных сантиметрах от моего лица, еще и дверцей хлопнул, спеша на помощь.

– Ты? – этот голос я узнала бы из миллиона даже находясь в полубессознательном состоянии.

Медленно подняв голову, я прищурилась, и сквозь снежную пелену разглядела внушительную фигуру склонившегося надо мной Белорадова.

Сначала в поле зрения попало его хмурое лицо, с отразившимся в черных глазах удивлением. Затем взгляд переместился ниже, к широким плечам, на которые поверх теплого синего свитера, было наброшено черное пальто. Плотные темные штаны, не чета моим колготкам, были заправлены в желтые ботинки от Тимберленд.

Здоровяк, в отличие от меня, подготовился к местной погоде, и это почему-то страшно бесило.

– Чего вылупился? Лучше помоги встать? – по-королевски вытянула вперед руку, ладонью вниз, словно ожидая, когда верный паж бухнется на колени и церемонно ее облобызает. Но псих даже с места не двинулся.

Одно радовало в этой ситуации, с появлением Матвея температура воздуха немного повысилась. Или это оттаяла и заспешила по моим венам кровь, согревая до самых кончиков пальцев. Не важно, главное я снова чувствовала себя живой и готовой к новым победам.

– Что ты здесь делаешь?

– Как видишь – сижу, – я развела руками, – и жду, когда

ты сможешь мне встать.

– Я имею в виду академию Рэнвуд, мы от нее в десяти минутах езды.

– А мамочка Вика не говорила тебе, что они с отцом выбили для меня местечко? Нет? Ну тогда я буду первой, кто сообщит тебе радостную весть. Та-дам, братец, мы целый год проведем под одной крышей, – если бы я была в состоянии вытащить из кармана телефон, то нащелкала бы дюжину отличных фото, на которых у Белорадова такой вид, словно его здоровенной кувалдой по темечку саданули. Но увы...

Глава 5

Липкий снег застилал глаза, забивался в уши и за шиворот пальто, но Матвей ничего не чувствовал. Время для него остановилось ровно в тот момент, когда из уст мелкой стервы вылетели последние слова. И сейчас его мозг пытался одновременно принять новую информацию и не дать эмоциям выйти из-под контроля.

Самодовольная улыбка Василисы не смогла скрыть сквозящую в ее взгляде настороженность, заметив которую Матвей, в конечном итоге, смог взять себя в руки.

Как бы девчонка не пыжилась, ее тоже не сильно радовала мысль об их тесном сосуществовании. Лучше поговорить с матерью и узнать, что за вожжа ей под хвост попала. Какого черта из сотен универов и академий они с Богданом выбрали для этой пигалицы, у которой одно шмотье на уме, Рэнвуд? Совсем с дуба рухнули?

Каждая их встреча делает его похожим на разъяренного бабуина, что не может здраво мыслить и горит только одним желанием, крушить все вокруг. А если это будет продолжаться ежедневно и будет мешать его учебе? Нет, он скорее позволит ей замерзнуть посреди дороги, в нескольких минутах езды от академии, чем лишится шанса получить диплом и поступить на службу в Трибунал.

– Если ты думала меня удивить, то у тебя получилось, –

бросил ей Белорадов, разворачиваясь и собираясь вернуться за руль, – счастливо добраться до места на этих ходулях, рыжая.

Василиса, с круглыми от удивления глазами, рванула с места, пытаясь его остановить, но тут же, громко вскрикнув, упала обратно. Правая нога не слушалась свою хозяйку и отказывалась ей подчиняться, а острая боль отдавалась во всем теле.

– Это, между прочим, не ходули, а Кристиан Лабутен. А ты не можешь меня тут оставить! – чуть не плача, крикнула она ему вслед.

– Даже беспомощная, ты пытаешься качать права. Хочешь испытать, что я могу, а что нет?

– Я твоя сестра, Матвей...

– Я уже тебе говорил, и повторю еще раз – ты мне не сестра, – с губ Белорадова сорвался гортанный рык.

– Отлично, – не менее громко ответила ему Василиса, – вали на все четыре стороны. Пусть я замерзну до смерти, но оставлю послание для Вики и отца. Так и напишу на снегу – в моей смерти прошу винить Белорадова Матвея Дмитриевича! Это пятно на репутации тебе ни за что не смыть!

Остановившись рядом с водительской дверью, Матвей застыл на месте.

Нет, ее крики его никак не задели, лицо разъяренной богини не трогало, и на смешной план с прощальной запиской на снегу тоже было глубоко плевать. Но на слова о том, что

чертовка может замерзнуть до смерти, его вторая сущность отреагировала совсем не так, как предполагалось. Никакой радости и веселья. Только яростное неприятие и неистовое желание защитить, которое никогда не было свойственно его мятежной натуре.

Какого хрена?

– Поднимайся и садись в машину, – коротко бросил он, проиграв финальную схватку с самим собой.

– Я не могу. Я, кажется, ногу вывихнула, – сейчас мелкая паршивка звучала даже жалобно, и это, почему-то злило Матвея еще сильнее.

Вернувшись к ней, он опустил на корточки, и дотронулся затянутыми в кожаные перчатки пальцами до изящной лодыжки, скрытой совсем неподходящей для такой погоды обувью.

– Ай, – вскрикнула Василиса и отодвинулась от него.

– Прекращай реветь.

– Я не реву, – ответила девушка, шмыгнув носом, – это просто дождь.

О том, что идет снег, а не дождь, Матвей говорить не стал. Подхватил ее под ноги и спину и резко поднялся.

Несмотря на свою не обделённую женственными формами фигуру, рыжая бестия практически ничего не весила, зато благоухала ароматом спелых вишен так, что во рту у Белорадова выступила слюна. Задержав дыхание, он дошел до пассажирской двери внедорожника, открыл ее и не церемо-

нясь закинул девушку на сиденье. Затем сам сел за руль, коротко бросил «пристегнись» и рванул с места.

Работающая в салоне на всю мощь печка быстро согрела окоченевшую девушку. Уже через минуту она прекратила дрожать, откинулась на сиденье и положила ногу на ногу. Съехавший вверх подол короткого платья обнажил затянутое в черный капрон соблазнительное бедро, которое Матвей, будучи вполне живым мужчиной, не мог не удостоить мимолетным взглядом.

– Смотри не перевозбудись, я хочу доехать без дорожных происшествий, – заметив куда он пялился, пробормотала Василиса, одновременно пытаясь натянуть подол чуть ли не до колен. Естественно, у нее ничего не вышло, и, кажется, впервые в жизни ее белые щеки окрасил румянец стыда.

– В тебе нет ничего, способного меня возбудить. Испытай свои чары на кровососах, – бросив в ее сторону откровенно-насмешливый взгляд, Матвей вернулся к дороге.

– Ты о ком? – нахмурила она брови.

Ответить Белорадов не успел. Впереди показались высоки башни замка Рэнвуд и главные ворота, до закрытия которых оставалось не больше минуты. Еще один рывок, и машина заехала на территорию.

Парковка была забита до отказа, но Матвей все же смог отыскать свободное место. Остановив машину, он вышел из нее, вновь открыл пассажирскую дверь, подхватил Василису на руки и направился ко входу, но и пары шагов сделать не

успел, как перед ними нарисовался с перекошенной от ненависти физиономией Долгов.

– Почему ты с ним, Вась?

– Может, потому что ты, пиявка, не удосужился съездить за своей непутевой девицей в аэропорт, а она вляпалась в неприятности, еще и ногу вывихнула? – ответил вместо Васи Матвей.

– Это правда? – Михаль перевел взгляд на девушку.

– К сожалению, да, – протянула она, положив ладони на широкие плечи державшего ее на руках Белорадова, – и уж поверь, я бы больше обрадовалась быть спасенной стаей волков, чем одним этим здоровенным боровом. Но выбирать не приходилось. Так что прекрати сверлить меня обвиняющим взглядом, Михаль.

– Дай ее мне, я сам понесу, – парень протянул руки, но Матвей, сделав вид, что не заметил, прошел вперед.

– Она весит, как слон. Еще уронишь, задохлик, а меня крайним сделают, – не слушая гневных охов мелкой заразы и злобных ругательств Долгова, Матвей направился ко главному входу, а оттуда на второй этаж в приемную ректора, где собирался оставить свою ношу, взять расписание, и свалить куда подальше.

Кирилла Сергеевича Сломова в кабинете не наблюдалось. За его столом сидела Изольда Вячеславовна, преподаватель истории мировых войн, которая при виде странной тройцы, – Белорадова, неизвестной девушки, которую тот держал

на руках, и маячившего за их спинами Долгова, – поднялась и прошла вперед, показывая рукой на стоящий у стены диван.

– Что случилось, Матвей!

– У девушки с ногой проблема, помог дотащить. А вообще за расписанием зашел, – усадив Василису на диван, Белорадов отошел в сторону, наблюдая, как место рядом с ней тут же занял ее мерзкий дружок.

– Твое расписание я отдала Резнову, заберешь у него. А как вас зовут, милая леди? – молодая женщина, которой на вид не дашь и тридцати, поправила сползшие на нос очки, и уставилась на Ваську.

– Фролова Василиса. Зачислена на первый курс. И есть ли у вас тут врач? Или представления о медицине такие же средневековые, как этот замок? – Васька сама не понимала, зачем нарывается на неприятности и дерзит этой миниатюрной блондинке.

Ну в самом деле, разве ее касается теплый взгляд и тот фамильярный тон, с каким эта училка обращалась к ее сводному братцу.

– Ах, да. Кирилл Сергеевич предупредил перед отъездом. Ты одна из двух наших новеньких. Саша уже ознакомилась с правилами академии, и успела заселиться в подготовленную для вас комнату, а тебя мы ожидали немного раньше. Надеюсь, успеем, – Изольда даже вида не подала, что ее задели Васины слова.

Подойдя ближе, она, не дотрагиваясь, прошлась рукой по вытянутой девушкой ноге, и боль тут же прошла. Василиса чуть не вскрикнула от удивления, но вспомнив, куда попала, тут же прикрыла рот ладонью.

– А куда уехал Сломов? – нахмурившись, спросил застывший в дверях Матвей.

– Он больше здесь не работает. Сегодня вечером вам представят нового ректора. Мы ждем его с минуты на минуту, – блондинка повернулась обратно к Василисе, – Долгов, можешь идти, а тебя, милая, мы познакомим с академией Рэнвуд. Здесь тебе откроются новые горизонты, и ты узнаешь, что невозможное возможно.

Удивленно уставившись в свой телефон, где напрочь отсутствовал сигнал связи, Василиса надула губки.

– Вот уж точно, невозможное возможно.

Глава 6

– Вы издеваетесь? Я еще могу понять, что среди обычных занятий делают такие, как «Определение существ», или «Выявление насланного ведьмой заклятия», все же не в совсем обычную академию поступила, но бег на дистанцию в десять километров и занятия в тире – это уже перебор, – выдала я, как только закончила ознакомление с расписанием, что вручила мне Изольда, когда мы с ней вышли из кабинета ректора и направились на небольшую экскурсию.

Нога меня больше не беспокоила, как и пронзающий до самых костей холод. Чувствовала я себя преотлично, и готова была постигать, – как там сказала эта чопорная училка? – новые горизонты! Вот!

Звала я Изольду «училкой» не из-за того, что она мне не нравилась. Совсем даже наоборот, отличная тетка, как оказалось. Но ее стилиста давно нужно было сдать в утиль, и нанять нового, о чем я ей и сообщила, стоило парням покинуть кабинет и оставить нас наедине.

Вместо того чтобы обидеться, или пронзить меня негодующим взглядом, она звонко рассмеялась, чем пробила брешь в моем черстве сердечке. Если в Рэнвуде все преподаватели похожи на эту, то надо будет, как только представится возможность, не забыть отправить отцу и Вике благодарственную открытку.

– Академия Рэнвуд на протяжении пятисот лет воспитывает будущих агентов Трибунала, – начала объяснять идущая чуть впереди Изольда, – большая часть их работы связана с расследованиями нападений, убийств, финансовых махинаций, грабежей, мелких нарушений магического порядка зачинщиками которых являются не люди, а существа. Физической подготовке мы уделяем очень много внимания, но для девочек имеются поблажки, к примеру стрелять ты можешь учиться не из пистолета, а из лука, это намного интереснее.

Хрен редьки не слаще.

Ну не любила я все эти йоги-хреёги, фитнесы-хренитнесы. Люди рассказывают, как после занятий спортом у них улучшается настроение, а мне каждый раз на луну выть хочется от усталости и боли в мышцах. Благо на фигуре мое нежелание качать пресс или принимать позу собаки никак не сказывалось, и это единственное за что я была благодарна той женщине, что произвела меня на свет.

Изольда, меж тем, продолжала.

– Замок состоит из левого крыла, что отдано под комнаты девочек, правого, где комнаты парней, и центрального здания, где мы с тобой сейчас находимся. Тут проходят занятия. Здесь же, на первом этаже, располагается обеденная зала, где все курсы, с первого по четвертый, в одно и то же время собираются для завтрака, обеда и ужина. Вот и она, – произнесла преподавательница истории мировых войн, остановившись перед добротной деревянной дверью, – я могу по-

дождать, пока ты позавтракаешь, а затем покажу тебе твою комнату.

С этими словами она толкнула дверь, и перед глазами предстали поистине царские хоромы. Высокие узорчатые потолки со старинными люстрами, картины в позолоченных рамках на стенах, четыре длинных стола, за которыми, на скамейках, сидели студенты академии, и пятый, стоящий перпендикулярно, преподавательский, где сейчас завтракали двое взрослых мужчин и одна женщина.

Снующие туда-сюда прислужницы с подносами, убирали за теми, кто уже поел, или разносили еду, от которой шел просто божественный запах. Рот тут же наполнился слюной, а желудок, тихо заурчал, напоминая, что последний раз я ела в самолете, и не ризотто с грибами, а полусохший бутерброд с чаем.

Только я собралась заявить, что не отказалась бы от полноценного завтрака, как взгляд зацепился за группу студентов, занявших угол самого дальнего от входа стола. Трое парней, сидевших к нам с Изольдой спиной и две девушки, расположившиеся напротив них и не перестававшие громко смеяться, походили на старшекурсников. Почти на всех была местная форма, кроме одного, чья обтянутая синим свитером спина заметно напряглась, стоило мне бросить в его сторону мимолетный взгляд.

Словно почувствовав мое присутствие, Матвей резко обернулся. Ноздри раздувались, в черных глазах адское пла-

мя, взглядом потрошит. Проклятый драконище!

Смех за столом тут же стих и четыре пары глаз уставились на ту, что привлекла к себе внимание их приятеля. Ну, то есть на меня.

Пришлось изобразить сладкую улыбочку и послать им воздушный поцелуй. Как и ожидалось, девицы нахмурились, у двух приятелей моего братца чуть глаза на лоб не полезли, а психу хоть бы что. Обычно, парни в моем присутствии ковриками стелятся, а этот волком смотрит. Аж бесит!

– Рыжуй, айда к нам! – не растерялся голубоглазый брюнет, сидящий справа от Матвея,

– Места хватит. И вы Изольда Вячеславовна присаживайтесь, – поддержал его зеленоглазы шатен, что сидел рядом.

– Простите, мальчики, но что-то аппетит пропал, – пропела я, заметив, как, услышав приглашение приятелей, Белорадов недовольно поморщился, – счастливо оставаться!

К дверям я шла медленно, активно виляя своей визитной карточкой, при виде которой повышенное слюноотделение было гарантировано любой особи мужского пола. И раздавшиеся за спиной громкие охи это только подтверждали. Жаль, принадлежали они не тому, кого мне действительно хотелось задеть.

Изольда, женщина-кремень, даже виду не подала, что удивлена моему решению пропустить завтрак, и не задала ни единого вопроса по поводу тех невидимых молний, что излучали наши с Белорадовым скрещенные взгляды. Махнув

рукой в сторону лестницы, она молча прошла вперед и начала подниматься.

Несколько пролетов, длинный коридор, еще одна лестница и вот мы оказались в левом крыле, где находилось что-то вроде женской общаги. Девушки бегали из одной комнаты в другую, кто-то шушукался по углам, кто-то смеялся, кто-то визжал. Все они громко здоровались с Изольдой и бросали в мою сторону любопытные взгляды.

Забитой овечкой я никогда не была, вот и сейчас, подняв голову, направлялась за своим временным «гидом» в выделенную мне комнату.

– Девушки, разрешите представить вам вашу новую соседку Фролову Василису, – произнесла Изольда, открыв дверь комнаты под номером двести три.

Помещение было довольно просторным. Голубые стены, большое окно из которого виднелся сад, два шкафа, для одежды, еще один забитый книгами и четыре кровати. Одна была расправлена, на второй сидело две блондинки, а на третьей полулежала в наушниках длинноволосая брюнетка, которая при нашем с Изольдой появлении даже глаз не оторвала от книги, что держала в руках.

– Василиса, это Саша Желянова и Жанни Миронова, а в наушниках Мария Зайцева, – представила девчонок преподавательница, – ты пока располагайся, скоро тебе принесут форму. Как только твоя машина будет на территории Рэнвуда, тебе доставят чемодан. Первое занятие через полтора ча-

са, если будут какие-то вопросы ты всегда можешь зайти в мой кабинет.

Посчитав свою миссию законченной, Изольда тут же удалилась.

Боги, какая женщина. Ни лишнего слова, ни лишнего жеста. Интересно, раздайся за окном взрыв, она бы и в этом случае невозмутимо поправила очки и приказала всем сидеть смирно?

Направившись к пустующей заправленной кровати, я бросила на нее свой полшубок, и под внимательными взглядами блондинок начала снимать с ног ботильоны.

– А это правда, что ты сестра Бела? – не выдержала то ли Жанни, то ли Саша.

– И девушка Михаля? – выпучила глаза ее подружка.

Не академия, а осиное гнездо, где сплетни и слухи разлетаются с бешеной скоростью!

– Без комментариев! – бросила я в ответ, наблюдая, как у обеих вытянулись лица.

Глава 7

Когда до двух белобрых кумушек дошло, что обсуждать с ними свою личную жизнь я не намеренна, весь их интерес к моей отнюдь не скромной персоне сошел на нет. Оставшееся до начала занятий время они сидели, демонстративно отвернувшись от меня, и перетирали косточки другим студентам академии.

Брюнетка Мария, тоже хлопот не доставляла. На вид прилежная заучка, лежала тихонько на кровати и не отрывалась то ли от учебника, то ли от какой-то ну очень интересной книги.

Изольда не обманула, буквально через десять минут после ее ухода в дверь постучали и две прислужницы передали мне стопку учебников и пакет, в котором лежала форма. Я уже видела ее на местных девушках, так что понимала, к чему нужно быть готовой.

Бежевая блузка, голубая жилетка, красный галстук, синяя расклешённая юбка длиной до колен, белые гольфы и высокие черные конверсы. Ни грамма оригинальности. Все приходится делать самой.

И юбку подкатать, чтобы дотягивала лишь до середины бедра, демонстрируя мои офигенские ноги, – поверьте, там есть чем гордиться, – и гольфы до колен натянуть. Закончить образ хотелось бы шпильками от Маноло, но они, к сожалению,

нию, остались в машине, хотя и кеды отлично подошли к наряду. Волосы решила распустить, а губы мазнула любимой алой помадой, что лежала в кармане полушубка.

Каких-то сорок минут и из высокого напольного зеркала на меня смотрела настоящая мечта любителя невинных зубрилок. Даже блондинки на кровати немного зависли, не в силах оторвать глаз. Но, к их несчастью, у меня не было ни времени, ни желания проводить мастер-класс на тему «как в любой ситуации выглядеть на миллион».

Еще раз изучив расписание, я попеняла себе, что нехватила из оставленного в машине чемодана кожаный рюкзачок, но тут же переложила вину на борова-братца, который мне даже опомниться не дал, схватил на руки и закинул в машину, будто я ему мешок с опилками.

Воспоминания вернули меня в то мгновение, когда морозный воздух вокруг наполнился древесным, мужским ароматом, от которого сводило сладкой судорогой нх живота.

Какого черта, что это еще за глупые мысли в голову лезут! Ничего у меня не сводило, а если и так, то все дело в несвежем бутерброде, что выдали в самолете!

Тряхнув головой, я взяла в руки три необходимых мне сегодня учебника, что весили килограмм десять, не меньше и, не дожидаясь своих соседок по комнате, направилась искать кабинет под номером шесть, где должно было проходить первое занятие по «Определению опасных существ».

Десять минут блужданий по темным коридорам, освещен-

ных лишь канделябрами мерцающих свечей, не принесли никаких результатов, но я твердо вознамерилась еще раз навестить Изольду и потребовать карту замка, без которой тут было не выжить. Все двери одинаковые, цифр на половине нет, а на тех, где есть, невозможно было уловить порядок.

Когда я, отчаявшись, была уже готова подойти за помощью к первому встречному, в поле зрения нарисовалась моя соседка, та, что брюнетка. Опустив глаза в пол, она медленно плелась по коридору, словно не на учебу, а на казнь, честное слово.

– Слушай... Мария, да? – девушка резко остановилась. Выглядывающие из-под челки большие анимешные глаза стали от удивления в два раза больше. То ли с ней раньше никогда не разговаривали, и человек, – а человек ли? Я теперь тут постоянно этим вопросом задавалась, – попросту отвык от общения, то ли сама по себе нелюдимая. Не зря она Зайцева. Добавь ушки и пушистый хвостик, вылитый заяц. Когда она наконец кивнула, я продолжила, – ты, случайно не на первом курсе? Я тут кабинет найти не могу.

– На первом, – и голосок тихий, так и хотелось хорошенько растормошить эту мышку, – Изольда Вячеславовна нам вчера экскурсию подробную устроила и показала, где будет проходить наше первое занятие. На этом этаже, дальше по коридору и направо.

– Пошли, покажешь, – видимо не ожидая, что я решу к ней присоединиться, Мария не сразу двинулась с места.

Кабинет, с ее помощью, нашелся быстро. Он был внушительных размеров, и там спокойно могли поместиться человек сто. Парты стояли вплотную друг к другу, а по другую сторону находился преподавательский стол и висящая на всю стену доска.

Внутри уже сидел весь наш курс. У доски стояла невысокая дама в строгом сером костюме, которая все то время, что мы с Марией пробирались к свободным местам, не сводила с нас изучающего взгляда. Ее улыбка чем-то напоминала мне увиденного как-то по телевизору маньяка, которому зачитали приговор к смертной казни. Жутковато-невинная, и пробирающая до мурашек.

– Раз все, наконец-то, в сборе, я представляюсь, – обведя взглядом студентов, женщина подошла к своему столу, – Крапивина Антонина Павловна. На моих занятиях вы научитесь отличать опасных существ от неопасных. Я расскажу о слабых и сильных их сторонах. Наглядно покажу, как обезвредить черную ведьму, – в кабинете раздался возбужденный гул, – как победить низшего демона, – гул усилился, – как убить гроллоха, и многое другое.

Тут все студенты вообще выпали в осадок и смотрели на эту даму влюбленными глазами, и только для меня ее слова звучали так, словно Крапивина говорила на китайском.

– Кто-то из здесь присутствующих уже имел дело с опасными тварями? – жуткая улыбочка вернулась на место, а цепкий взгляд прошелся по аудитории.

Вверх взмыло две руки.

– Может быть вы, любительница опаздывать на первые занятия? – я не сразу поняла, что обращались ко мне, но не ступевалась.

– Знаете, имела! – покачала я головой, с самым серьезным выражением лица, – пару дней назад помогала сестре отодвигать комод, а из-под него такая опасная тварь с сорока ножками выползла, я думала, что окочурюсь. Но сестра не растерялась и тапком его прихлопнула, а я смыла в унитаз. Так что боевое крещение я тоже прошла.

В кабинете раздались громкие смешки, а несколько парней показали мне большой палец. Взгляд Антонины Павловны, словно острый скальпель, полоснул по мне, выпотрошив без остатка, а затем обратился к одной из поднявших руку девушек, которой оказалась моя соседка по комнате, то ли Саша, то ли Жанни, кто их разберет?

– Слушаю вас, милая леди.

– Мы вчера призрака вызывали, через зеркало, и могу поклясться, что увидела его страшное лицо. Но одна из подруг потушила свечу, и он исчез.

– Хватит заливать, – крикнул ей сидевший позади студент, – призраков не существует, а вот мертвья еще как. Мы с парнями одно в лесу видели, зеленое, мерзкое. Еле ноги унесли.

– С мертвьем лучше быть осторожным, – кивнула преподавательница, – малейшая царапина и вы можете стать та-

ким же мерзким и зеленым.

Сидевшая рядом со мной брюнетка Мария внимательно слушала разговор, и что-то записывала в тетрадке, но сама выступать желания не изъявляла. В голове крутился вопрос, к какому виду существ она относилась, но устраивать допрос мне пока не хотелось. Я сама не любитель трепаться о себе, потому и чужое личное пространство тоже уважала.

– Что это еще за умертвия такие? – вырвался у меня тихий вопрос.

– Что-то вроде зомби, каких в кино показывают, – шепнула в ответ Маша, – я учебник на ночь полистала, там иллюстрации были. Жуткие.

Нет, жуткие я на ночь листать не хочу. Мне свой спокойный сон дороже.

Крапивина продолжала рассказывать об умертвиях, когда в дверь раздался стук и внутрь вошла как всегда собранная Изольда.

– Прошу меня простить, Антонина Павловна, но прибыл новый ректор и все курсы, включая преподавателей, созывают в обеденный зал. Знакомиться, – скрипнув зубами, явно недовольная, что ее занятие прервали, Крапивина, кивнула, и все присутствующие сорвались с места и бросились на перегонки к выходу.

Глава 8

Обеденный зал постепенно заполнялся серьезными преподавателями и оживленными студентами, что рассаживались за пустыми столами, ожидая, когда начнется представление ректора, что заменит на посту добряка Сломова.

О новичке никто ничего не знал, а старика очень любили в стенах академии, и его неожиданное увольнение воспринималось студентами не однозначно. Были даже те, кто считал, что тут что-то нечисто. И именно они сейчас активно делились с друзьями своими теориями заговора, создавая неумолчный фоновый шум, что действовал на Матвея не хуже самого сильного снотворного.

– Бел, как тебе вон та блондинка? – Павел кивнул в сторону, сидящей впереди и не сводившей с парней кокетливого взгляда, первокурсницы, – буфера зачет.

Белорадов с друзьями пришли одни из последних и вместо того, чтобы, распахивая других студентов, протискиваться вперед, решили остаться стоять рядом с входом, прильнув к стене. Оттуда и обзор был лучше, и слышимость нормальная, и уйти можно в любой момент.

– Я и получше видел, – закрыв глаза и скрестив руки на груди, скучающим голосом произнес Матвей.

До смерти хотелось послать всех подальше, вернуться в свою комнату, завалиться на кровать и проспаться дня два, не

меньше. Долгая дорога вымотала до предела, а попавшаяся на пути мелкая стерва добавила головной боли. Как только не придушил ее за длинный язык, непонятно. Обычно, сдерживаться у него не получалось.

Стоило подумать о ней, как ноздрей коснулся пьянящий аромат спелых вишен, что одновременно успокаивал и вытаскивал на поверхность все самое темное что хранилось в его душе. Какое-то временное помутнение, морок, заволочивший мозг, не дающий нормально мыслить. И зверский голод.

Как такое, нахрен, возможно?

Напряжение охватило все тело, зажимая каждую мышцу. Открыв глаза, Матвей увидел прямую спину вышагивающей походкой от бедра Василисы, чьи распущенные, достающие до округлой попки ярко-рыжие волосы, делали ее похожей на долбанную принцессу.

Паршивка прекрасно знала, какой эффект производит на окружающих ее парней и активно пользовалось этим козырем. Вон и кровосос, только увидев свою ненаглядную сорвался с места, подлетел к ней, как ошпаренный, и схватил своей костяшкой, – которую Белорадов с радостью раскрыл бы в ладони, – девчонку за локоть, отталкивая в сторону, идущую с ней рядом, брюнетку.

– Брат, с тобой все в порядке? – толкнул его в бок стоящий рядом Антон, – ты сейчас в Долгове глазами дыру прожжешь.

– А чего ты хотел? – усмехнулся Павел, – Бел же сам за

завтраком бросил, что она его сводная, а он за сестру и двор стреляет в упор. Пиявкой больше, пиявкой меньше...

– Интересно, – задумчиво протянул Матвей, – если я его сегодня после занятий на улице выловлю и клыки повидаю, ублюдок продолжит так мерзко скалиться?

– Тебе трех месяцев в тюрьме не хватило? В следующий раз их гнездо надавит посильнее, и срок будет не таким щадящим, – голос у Антона был веселым, но в нем чувствовалось беспокойство, – минутное наслаждение того не стоит.

Матвей хотел возразить, что еще как стоит, но его отвлек голос Изольды.

– Дорогие студенты, – в зале образовалась гробовая тишина. Все дружно уставились за преподавательский стол, за которым разместилось около десятка мужчин и женщин, вот только незнакомых лиц среди них не наблюдалось. Где же новый ректор? – сегодня у вас начался новый учебный год, для кого-то он первый, – она кивнула занявшим один из столов первокурсникам, – для кого-то последний, – теперь кивок предназначался четверокурсникам, – в любом случае, весь наш преподавательский состав желает вам трудиться не покладая рук и закончить год с отличием. Теперь перейдем к причине, по которой мы вас всех здесь собрали. Наш любимый ректор Кирилл Сергеевич Сломов, в связи с почтенным возрастом, решил уйти на пенсию, а сейчас, как мне сообщили, к нам прибыл его приемник.

Словно подгадав момент, входная дверь в зал распахну-

лась и внутрь вошел одетый в джинсы, свитер и черное пальто высокий мужчина, распространяющий вокруг себя властную, хищную ауру. На вид ему было около сорока. Длинные белые волосы были собраны в высокий хвост. Подтянутое, тренированное тело, тут же приковало к себе томные взгляды женской половины.

Он не прошел к преподавательскому столу. Встал у входа и пробежал взглядом по умолкшим студентам и учителям, пока не остановился на застывшем подобно статуе Матвее, чьи руки непроизвольно сжались в кулаки, а лицо скривилось в жутком оскале.

Неизвестный мужчина прикрыл глаза, устало вздохнул и повернулся обратно к залу.

– Позвольте представится. Меня зовут Миронов Дмитрий Александрович, и я назначен новым ректором академии Рэнвуд, – обволакивающий бархатистый голос, действовал подобно гипнозу, и только Изольда, поправив очки, почему-то нахмурилась, – если у вас будут ко мне какие-то вопросы, добро пожаловать в мой кабинет. А сейчас возвращайтесь к занятиям.

С этими словами, он развернулся и исчез из зала так же стремительно, как и ворвался.

Звонящую тишину прервал сдавленный смешок, раздавшийся с того места, где сидела Василиса. Взгляды присутствующих тут же устремились в ее сторону.

– И это все? Кажется, мы дольше собирались, чем он пред-

ставлялся, – заметила девушка, вставая с места.

За ней поднялась сидевшая рядом брюнетка, и это как будто послужило сигналом для всех остальных. Первыми зал покинули преподаватели, а следом за ними к выходу шумно потянулись студенты.

Матвей тоже собрался было последовать за приятелями, но тут в поле зрения опять попал пиявка-Долгов, трущийся рядом с его сводной заразой. Заметив Белорадова, он окинул его ненавистным взглядом и демонстративно обнял Василису за талию. Рыжая бестия слегка поморщилась, но отодвигаться не стала. Даже наоборот, увидела метаящего молнии глазами братца и сладко улыбнулась своему провожатому, вконец лишая Матвея самоконтроля.

– Солнышко, встретимся вечером в саду? Я кое-что тебе покажу? – слащавым голосом запел Михаль, и пропустил тот момент, когда появившийся рядом Белорадов, что есть силы толкнул его плечом. С громким визгом Долгов отлетел к стене.

Не успевшие покинуть зал студенты застыли как вкопанные, а вместе с ними и слегка ошарашенная Василиса.

– Кровососы научились летать? – пробасил подошедший к другу Павел, на что тот лишь пожал плечами.

– Я сейчас же доложу о твоём поведении ректору. Обрат-но за решетку захотел, тварь? – поднимаясь с пола закричал Михаль. Четверка парней из его окружения тут же оказались рядом, препарируя взглядом Белорадова, правда нападать не

спешили, помня последнюю встречу в клубе, после которой некоторые из них еще пару дней с постели встать не могли.

Вот только похоже их предводитель отличался памятью аквариумной рыбки. Встав на ноги, он бросился на своего обидчика с кулаками, но так и не смог приблизиться. Матвей успел схватить его за горло, и так крепко сжал, что тот закашлялся.

– Я тут подумал и решил, что ты, сосалка, не достоин моей сестренки, – хриплый голос парня сочился сарказмом, – так что увижу рядом, считай труп.

– Какое ты имеешь право? – яростно сверкнув глазами, Васька наконец-то отмерла и, переполненная праведным гневом, бросилась Матвею на спину, – отпусти его сейчас же, сволочь!

Ее кулачок успел врезаться в него всего лишь раз, и с этим прикосновением словно разряд тока прошел через их тела.

Резко выпрямившись, Матвей разжал ладонь на горле Долгова, молниеносно обернулся и перехватил тонкие запястья дикой кошки. Подбросив визжащую девчонку в воздух, он усадил ее на свое прижатое к ближайшей стене мощное бедро и заключил в крепкие объятия.

Павел с Антоном, как по команде, тут же встали за спиной приятеля, скрывая парочку от посторонних глаз.

– Ты что, чокнулась, я же тебя раздавлю, мелкая? – глухо прорычал Матвей, не отрывая злых, черных глаз от дрожащих губ испуганной до мурашек Василисы.

Глава 9

Так близко, что я чувствовала его теплое дыхание на своем лице. Так жарко, в тех местах, где он касался моего тела. Так страшно, под его парализующим взглядом.

Мне бы продолжить кричать, звать на помощь, лицо ему расцарапать своими длинными ногтями, за то, что обращался со мной, как с какой-то вещью, а я зависла, как дура последняя, думая о том, какой у него оказывается глубокий голос, до самого дна пробирает.

Если это не помешательство, то что?

А в обеденном зале, между тем, дым коромыслом. Собравшиеся вокруг парни и девушки с любопытством следили за развитием ситуации. Михаль, все еще сидел на полу, держась за шею и пытаясь выровнять дыхание, а его друзья бросали в сторону приятелей Матвея ненавистные взгляды. Мне на помощь никто не спешил, оставив один на один с безумным зверем, что усадил на себя и грозитя убить.

Хороший тамада, и конкурсы интересные.

Не вцепись я в его сильные плечи, вряд ли бы держать стал. Уронил бы на пол и поржал с друзьями, над своей неуклюжей сестренкой. Но не на ту напал.

Я задергалась в его объятиях, пытаюсь вырваться, но так ничего и не добила. Лицо психа скривилось в презрительной усмешке, а хватка на талии стала жестче, впечатывая ме-

ня еще сильнее в его каменное тело.

– Отпусти меня сейчас же, скотина, или я пожалуюсь Изольде! – яростно зашипела я в его наглуую рожу, и тут же снова завизжала, почувствовав, как меня, без каких-либо проблем, отцепили от себя, подкинули в воздух и вновь поймали, показывая, кто тут сильнее.

Подействовало, надо признаться, на ура.

Да, характер у меня не сахар, могу довести до точки кипения с нуля до двух секунд, но за все мои восемнадцать лет, в какие бы неприятности я не встревала, сколько бы врагов не нажила, никто и никогда не применял ко мне силу. Даже отец в те дни, когда я поздно возвращалась домой с вечеринок, или ослушивалась его наказов, предпочитал не брать в руки ремень, а решать все на словах.

Осознав, что я не контролирую ситуацию и полностью завишу от прихоти этого ненормального, я почувствовала, как вся бравада в секунду испарилось, и на ее место пришел панический страх.

– Ты на меня первая напала. А если выпущу, то что? Снова на меня накинешься, стерва капризная? – зло выплюнул подонок, наклонившись еще ближе к моему лицу.

Его губы оказались в считанных миллиметрах от моих, а глаза словно в душу заглядывали. Я быстро зажмурилась, но кто в здравом уме будет укрываться от урагана малюсеньким пледом? Все равно ощущала себя так, будто в лапы хищника угодила, и он вот-вот меня сожрет.

– Ты сам первый начал, за каким чертом полез к моему парню? Кто тебя просил?

– Считай, что твоя карьера Долговской подстилки подошла к концу. Увижу рядом, даже разбираться не буду, сверну шею твоему ненаглядному, – и столько в его словах ярости было, что я поняла – не шутит.

– Ты не имеешь права!

– Имею, как ты сама много раз мне напоминала, ты моя сестра.

– Раньше ты утверждал обратное!

– Считай, что я передумал, – еле сдержалась, чтобы пощечиной не стереть с его лица довольный оскал.

Лучше не будить лихо, а тихо-мирно написать жалобное письмо его матери, и попросить отца забрать меня из этого места. Все верно, так и поступлю. Осталось только вырваться из его железной хватки и переждать бурю в безопасном месте. А именно, в кабинете ректора.

– Что здесь происходит, Матвей? – строгий голос Изольды ворвался в наше с Белорадовым тесное пространство, возвращая к реальности. Для меня он прозвучал музыкой, для психа, судя по выражению лица, набатом.

Но он, надо заметить, быстро взял себя в руки. Прежде чем я успела открыть рот и наябедничать, Матвей опустил меня на пол, повернулся к преподавательнице, рядом с которой стояла моя соседка по комнате Маша, которая, похоже, ее и привела, и поднял вверх обе руки.

– Ничего особенного, Изольда Вячеславовна. Просто решил немного с сестренкой поболтать, – осознав, что меня больше никто не держит, я рванула к Изольде и спряталась за ее спину.

– И для этого избил Михалю? – вот, сдала, пусть теперь выкручивается.

– Избил? – в притворном удивлении приподнял брови Белорадов, – случайно толкнул плечом, кто же знал, что пиявки такие хрупкие.

– Это все ты будешь Дмитрию Александровичу рассказывать, иди за мной, – услышав имя ректора, Матвей озверело скрипнул зубами, а Изольда, даже не оборачиваясь, направилась к выходу из зала, но у самых дверей притормозила, – Резнов, Беседин, вы тоже.

Три шкафа, злобно зыркнули на нас с Машей и отправились вслед за Изольдой. А я, почувствовав, что опасность миновала, поправила задрывшуюся юбку, бросила благодарный взгляд на Зайцеву, и неприязненный на всех тех застывших рядом слабаков, кто в сложной ситуации даже руку помощи не подал хрупкой мне. Затем направилась к выходу.

– Ну, чего застыли? Занятия никто не отменял.

***

Крапивина на последние десять минут до конца урока так и не явилась, предоставив нас самим себе. Пока я обдумывала план мести злобному упырю, большинство моих однокурсников, бросая в мою сторону любопытные взгляды, об-

суждали случившееся в обеденной зале.

Следующее занятие у нас было по этике, где мы познакомимся с низкорослым, добродушным старичком. Всеволод Иванович, любящий вести длинные философские монологи на тему дружбы, справедливости и милосердия, так отдавался предмету, что не замечал осоловевших глаз своих студентов.

Сорок минут бубнежа ввели нас в медитативный транс, из-за которого мы чуть не пропустили начало следующего занятия по физической подготовке.

Со скоростью торпеды я рванула в свою комнату, куда уже успели доставить мой многострадальный чемодан. Нарыла в его недрах спортивную форму, которую покупала пару месяцев назад ради одного мускулистого инструктора по йоге, игравшего, как потом выяснилось, за другую команду, и полетела искать женскую раздевалку.

Та, как ни странно, нашлась быстро и все благодаря шумным однокурсницам, чьи крики и смех можно было услышать в любом уголке замка. Почти все они уже успели переодеться и прошествовать в спортивный зал, поэтому, когда я зашла внутрь, меня встретила темнота и гробовая тишина.

Со светом я разобралась быстро, найдя в углу выключатель, а тишиной насладиться не успела. Ее прервал чуть слышный всхлип, который я, каюсь, решила проигнорировать.

Ну мало кому ныть захотелось? Может по дому соскучи-

лись, или ногу себе отдавили, я-то тут при чем? В нянечки, соплю вытирать не нанималась. Мне бы со своими проблемами, в виде черноглазого амбала, разобраться.

Сняв жилетку, блузку, гольфы и юбку, я, оставшись в одном нижнем белье, нацепила на себя короткие черно-белые шортики, спортивный топ и новенькие кроссовки. Затем подошла к зеркалу, собрала волосы в высокий хвост и, полюбовавшись на свое отражение, отправилась к выходу, как вдруг всхлип повторился. В этот раз он отдавал такой обреченностью, что поколебал мое стойкое решение не обращать внимание.

Остановившись, я тяжело вздохнула и пошла вдоль шкафчиков в поисках нарушителя моего спокойствия. Им оказалась забившаяся в самый угол Зайцева. Прижав к себе рюкзачок с книгами, она сидела, уткнувшись лицом в колени, пока с щек, на пол, капали горькие слезы.

Примостившись рядом, я сразу взяла быка за рога.

– У тебя есть пять минут, – Машка подняла голову и недоверчиво на меня уставилась. Затем опять ее опустила и снова всхлипнула.

– Он... он поймал меня после урока этики, назвал проклятой ведьмой, и хотел затащить в пустой кабинет, но ему помешал Всеволод Иванович. Приказал отпустить меня и идти на свои занятия или он пожалуется ректору. Он... он отпустил, но сказал, что еще отомстит за то, что пожаловалась Изольде, когда тебя схватили, – черт, так вот в чем дело. Не

помоги она мне, никто бы ей не угрожал. Блин, а я так надеялась, что она по маме соскучилась, и пореветь решила.

– Кто этот смертник?

– Я не знаю, как его зовут. Девчонки в раздевалке его по фамилии называли, Резнов, – так, похоже один из дружков психа, что вместе с ним сегодня ректора навещать ушел. Сволочь! – но не это самое страшное...

– Не это? – удивилась я, – а что?

– Он инквизитор, – Машка подняла на меня испуганные анимешные глаза и посмотрела так, будто случился конец света, а мы не подготовились.

– Прости, дорогая, но все что я знаю об инквизиторах, у них испанские корни, а еще они любят топить и искать родинки на телах невинных женщин, которых считают ведьмами... Так, стой. Ты ведьмочка, что ли? – Зайцева грустно кивнула.

– Орден инквизиторов существует до сих пор и не подчиняется напрямую Трибуналу, у них есть свой Верховный. Они наш род терпеть не могут и не важно светлая ли ведьма или черная. Обычно молодые представители этого вида не чувят нас, а этот сразу понял... Откуда? А я даже ответить ему не могу. Совсем ничего не умею, меня ковен поэтому сюда и сослал. Все книги в библиотеке нашей изучила, каждое заклятие от зубов отскакивает, а эффекта ноль. Я бракованная ведьмочка, а скоро еще и мертвой буду, – к концу рассказа Машка откровенно ревела. Пришлось приобнять ее

за плечо и тихонько похлопать.

– Не переживай, я как раз план мести для дружка его белобрысого составляю, и твоего ублюдка в него тоже включу. Мы им такую жизнь устроим, мало не покажется. И в обиду тебя не дам. У меня мачеха Верховная Трибунала, один звонок, и их упекут далеко и надолго, – о том, что Матей ее сын и вряд ли она пойдет против него, я решила не уточнять. Чего раньше времени Зайцеву расстраивать? – а сейчас переодевайся, а то опаздываем уже.

Только я собралась подняться и потянуть ее за собой, как в коридоре раздался громкий крик.

Глава 10

– Вы видели эту ведьму с щенячьими глазищами? Анимешка ходячая, – прошипел Павел, когда трое приятелей свернули за угол, чуть отстав от идущей впереди Изольды, – сто процентов ее рук дело. Как освободимся, я эту мелочь хорошенько припугну, чтобы ябедничать неповадно было.

– Сдалась она тебе? – пожал плечами Антон, – обычная зашуганная первокурсница, что с нее взять?

– Я найду, что взять, – грубое лицо зеленоглазого шатена скривилось в не предвещающей ничего хорошего усмешке. Антон весело хмыкнул и обратился к идущему рядом Матвею, от которого волнами исходило лихорадочное напряжение.

– Бел, а ты какого черта к Долгову при всех полез?

– Не удержался, – еле слышно ответил Белорадов. Его мысли все еще были в обеденной зале, а ноздри продолжали улавливать сладкий аромат, принадлежавший рыжей заразе, что прочно засела не только в голове, но и в других жизненно важных органах его тела.

Пальцы до сих пор покалывало от желания вцепиться в ее нежное горло, или шелковые волосы, резко притянуть к себе и... И что?

Пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от навяздения, и черной, отравляющей мозг материи, что поднима-

лась с самого дна, грозя поглотить здравый смысл. Ощущения были новыми, непривычными. Будто его тело превратилось в железную клетку для сидящего внутри монстра, что не поддавался контролю и мог в любой момент вырваться на свободу. И хрен пойми, что ему нужно.

Обычно агрессия гасилась быстро, не переходя на новый уровень, когда ты полностью отдаешь себя в руки живой внутри второй сущности, а тут кровь продолжала бурлить, а тело требовать разрядки, хоть волком вой.

Даже поделиться не с кем, мать его. Парни не поймут, а гребанных психологов ему на всю жизнь хватило. Больше он к ним не ходок.

Чем ближе они подходили к кабинету ректора, тем сложнее становилось Матвею сдерживать кипящую внутри ярость. Ладони непроизвольно складывались в кулаки, а зубы грозили вот-вот раскрошиться в пыль, так сильно он их сжал.

Встав рядом с закрытой дверью, Изольда подняла руку, призывая парней остановиться. Взявшись за ручку, она потянула ее на себя, но в это же время, находящийся внутри мужчина, решил выйти из кабинета. От неожиданности преподавательница уткнулась носом в твердую, обтянутую свитером, грудь, и резко вздохнула, почувствовав, как ноздрей коснулся тонкий древесный аромат одеколона, смешанный с резким мускусным запахом мужского тела.

Изольде потребовалось около минуты, чтобы превратить-

ся из оцепеневшей статуи обратно в снежную королеву, сделать шаг назад, поправить очки и, прочистив горло, чопорно произнести:

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович. Меня зовут Киреева Изольда Вячеславовна и я преподаю историю мировых войн, а также уже второй год являюсь непосредственным заместителем ректора. Надеюсь, у вас будет минутка разобраться с нарушителями порядка? – прежде чем обратить внимание на парней, Миронов оценивающим взглядом прошелся по покрасневшему лицу, наглухо застегнутой белой блузке, скрывающий второй размер, и обтянутым до коленей юбкой-карандаш стройным ногам молодой женщины.

– Да, конечно, входите, – в бархатистом голосе послышалась несвойственная ему хрипотца.

Наблюдавший за представлением Матвей издал саркастический смешок и, проигнорировав строгий взгляд ректора, первым вошел в просторное, светлое помещение, в котором за четыре года побывал несчетное количество раз.

Миронов вернулся к столу, сел в удобное, кожаное кресло и, сложив пальцы домиком, стал ждать, когда же ему озвучат цель визита.

– Дмитрий Александрович, я понимаю, что у вас сегодня первый день, – взяла слово подошедшая ближе к столу Изольда, – но дело не терпит отлагательств. Эти трое устроили дебош в обеденной зале. Ударили одного из однокурсников и напугали девочек, первокурсниц. Так как я не имею

полномочий определять наказания, привела их к вам.

– Бел ясно сказал, это была случайность, – пробасил Резнов, – пиявка сам нарвался.

– Следите за языком, молодой человек, – в голосе Миронова сквозил металл, – как я понял, произошла драка?

– Нет, – покачала головой Изольда, – Белорадов, – она ткнула пальчиком в скрестившего руки на груди Матвея, – толкнул плечом нашего ученика, Долгова Михаля, а потом угрожал первокурснице Фроловой.

– Я ее даже пальцем не тронул, – хмуро прорычал взбешенный ее обвинениями Матвей, – просто придержал, чтобы делов не натворила.

– А эти двое что тут делают? – кивнул Миронов на стоящих позади Антона и Павла.

– За компанию, – отчеканила Изольда, которой совсем не нравилась отведенная ей роль обвинителя. В присутствии этого подавляющего мужчины, она чувствовала себя маленькой девочкой, которую заставляют оправдываться там, где ее вины совсем не было. Со Сломовым таких проблем у нее не возникало, – они друзья Матвея и всячески его покрывают.

– А где пострадавший?

– Остался в зале.

– То есть в больницу не попал? – не понимая к чему он клонит, Изольда отрицательно качнула головой, – тогда, смею предположить, что это действительно случайность. На первый раз выговор, но, если подобное повторится, разре-

шаю вам лично использовать розги. Насколько я помню, в академии Рэнвуд до сих пор практикуют такой вид наказания.

– Да, но... – не веря своим ушам, преподавательница уставилась на мужчину, – я? Кирилл Сергеевич никогда... я не могу... почему я?

– Считайте, я назначил вас своей правой рукой, которой обычно пользуюсь, держа инструмент наказания, – не ожидая услышать из уст ректора столь двусмысленную фразу, Изольда смерила его неприязненным взглядом, но промолчала. Матвей даже бровью не повел, а Антон с Павлом закашлялись, пытаясь замаскировать смех, – если это все, то можете идти.

Резко развернувшись на каблуках, женщина покинула помещение, громко хлопнув дверью. Парни последовали было за ней, но их остановил ударивший в спину бархатистый голос.

– Матвей, задержись, – удивившись, откуда ректору известно имя их приятеля, которое Изольда не называла, Антон с Павлом уставились на Белорадова.

– Идите, встретимся на занятии, – кивнул он им, и только когда за парнями закрылась дверь, повернулся лицом к сидящему за столом мужчине, – ты что-то хотел?

– Почему ты не взял трубку, когда я звонил?

– Был занят, – лицо парня скривилось в презрительной усмешке, и только резко побелевший старый шрам намекал,

как трудно ему дается держать себя в руках, – что-то еще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.